

Владимир Гандельсман

Стихи из «Велимировой книги»

Не меч и тать. Мечтать!

Лучится мир: в нём нет лечебниц,
ни смерти, ни чумы предательств,
и ты, летальный вовлеченец,
отныне вечн, без отлагательств.

Нет ни холопов, ни высочеств,
есть равенства священноучасть,
не сбивчивость и брех пророчеств,
но сбывчивость, расчёт, могучесть.

Сверкает город электричеств,
и высших чудотворных качеств,
и благ бесчисленных количеств,
и в звёздном колпаке чудачеств.

Не чад войны, но многочадость,
и в общем воздухе отечеств
мы празднуем с тобой зачатость
и разум встречных человечеств.

И не плачевность и печальность,
не ночи выморочной нечисть,
нам сёстры — речи изначальность
и птичья утренняя певчесть.

Гандельсман Владимир Аркадьевич — поэт и переводчик. Родился в 1948 году в Ленинграде. Окончил электротехнический институт. Работал кочегаром, сторожем, гидом, грузчиком, преподавателем русского языка и литературы. Автор более двадцати книг стихов и многочисленных публикаций в журналах. Живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге.

Вопросы Велимиру

Безумливый¹, о чём ты рокчешь?
 Куда водырь, туда гурьба.
 На что их прочишь?
 Зачем гремит твоя арба?
 Блазноречивый чернокнижник,
 по небу мечутся лучи,
 мигает вспышник,
 но тонет стихогруз в ночи.
 На море, в воздухе, на суше —
 куда ни погляди, везде
 тобою души
 забагрённые, бард, в беде.
 Ты кто, в каком котле заварен,
 откуда твой словарный жар,
 пролетатарин
 и векомудрый числовар?

Числяр и отступление с разбитием окна

Как свести с тобой счёты?
 Где твоё уравнение, мир?
 Говоришь, мычание? Нет, мы чаянье, мир.
 Мыр = мыравенство.

— Что возводишь, Хармс?
 — Храм-с.
 — Ну не срам ли, Хармс?
 — Срам-с.
 — Скажет «Hände hoch!»
 Бог.
 — Он на то и Бох —
 строг!
 — Чем осилишь, Хармс,
 страх?
 — Слово — my hand arms.
 Бах!

Бытие + дух = Бух.
 Я ищу уравнение мира,
 выселен во вселенскую
 песочницу,
 под облаками,
 плывущими ещё над моей лялябелью.
 Между нею и гибелью.

¹ Безумливый — безумный; рокчешь — рокочешь; водырь — поводырь; блазноречивый — соблазняющий; вспышник — снаряд для вспышек, ночных знаков на море; векомудрый — суетный, мудрец века сего.

Пасечник песка числ,
я зачерпываю сырое время
формочками
и выкладываю на доски,
тёсаные доски моей тёзки — тоски,
вычисляя его закон.

Это мой, числяра, загон.
Доски по периметру песочницы,
воспариметру бессонницы.
Доски, сложенные у сарая,
на которых сидя сплю,
сплюхнувшись лицом в колени,
доходягой ходьбы.
Громовые доски для гробов.
Доски будьбы.

Дни как выводок волчат,
из которых вывел
неизбежную, невиноватую
смерть в периодическом повторе.
В оправдательном — на счётах —
приговоре.

«В шорохов свисте шествует стук вроде Ч».
О, часы человечества.
О, чёткая чистота чертежа.
О, чары чёрта, чмокнувшего чело человека
тоЧКа.

Отступление словарное

Устроим Числоводск и Чудесавль!
Слетятся времери и верхари,
пребудет любовь, засвищит возлетавль,
и в любесах зажгутся благори.

Летчайшие творяне прошлеца
всеучбищем обяжут, нехотяй
узнает стыдь при виде бодрца-
мечтежника. Сей, мोगатырь-светяй!

Людволнами ульяня¹, Указуй,
Младыка чтожеств и Языковод,
лжаному полю внянчит: не бесуй!
Красавда, небедь, умец, счастьеход.

¹ Деепричастие «ульяня» отсылает к Ульянову-Ленину, он же Указуй (имя собственное), Младыка и Языковод.

Наблюдение грозы

...Молнии слов серебро вью.

В. Х.

вяжут ломаные спицы молний
издали и всё неугомонней
в быстрых бога руках
жизнь земную нитяную
электрическое поле
всех шерстистых тварей
на десятую секунды долю
озарится прежде чем ударит молот
и в мельканьях молний
тем молитвенно-безмолвней
мир предстанет
лепета он жизни молит молит

тварей шерстью трущихся в траве
загорающийся глаз
иголкой колк
на краплённой каплею тропе
как янтарь и шёлк
шёлк и янтарь
грянут фабрики туч грозовых
фабрики парящих льдинок
цапли ломаные спиц
воздуха сквозной пробой
первой пробой освежит
и в небе голубой
мозг извилинами задрожит

Рождение многих из Хлебникова

Рифмы автор палиндромной:
дым — а через строчку — мы.
Полубдящий-полудрёмный,
бес бездомный.

Замес бесовский крепок:
змеиное пьёт молоко,
заваривает в кипятке репейник, —
а глаз подмигивает: я, мол, око.
Но глаз его не око — лом.
Взгляд вкалывается в порядок —
и ветхий мир идёт на слом.
Бес — ядок, адок.
Гремуч и на разломы падок.

Велимирь, велимирь,
на штыре стиха — нашатырь.
Тысячелетнее узрь
царство моё! Заратустрь!

На штыке стиха, переимчив,
Маяковский атом твой расщепит,
а за ним уж, кочан набычив,
гегемон шипит:
большшшшевик, шшшширпотреб, общщщщепит.

И спросила кроха:
— Ты не палочка ли Коха?

Идут кухарки из конур,
в очах сияет кохинур.

крох влечёт рок
блох течёт ток

Блок тех, которых тьмы и тьмы.
Меч молоха — молодым.
Дым и мы = дымы.
Мы и дым = мыдым.

айяйя
песня рая
яда яда
песня ада